D13 6/59
a11

Москва.

1я Мещанская ул. Надеждинский пер.

Дом № [illegible] кв. № 5

Александру Андреевичу [illegible]

D13 6/59

D13 6/59

а 122

СОЧИНЕНІЯ

ПОЭТА-КРЕСТЬЯНИНА

ИВАНА КРУГЛИКОВА.

ПОСВЯЩАЕТСЯ НА ПАМЯТЬ БЛАГОТВОРИВШИХЪ ПОЭТУ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 14 мая, 1855 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Къ Русскимъ (вмѣсто посвященія) 1
Духъ Русскаго народа 3
Отвѣтъ моего сосѣда Чагинова 6
18-е Февраля 1855 года (молитва Россіи) 7
Чувство Русскаго, при восшествіи на всероссійскій престолъ Государя Императора Александра II-го 9
Посланіе М. С. Владимірову 15
Кольцо 16
Сарафанчикъ 17
Душегрѣйка 18
Утро въ деревнѣ 19
Любовь къ природѣ 20
Къ дитяти 21
Пѣсня 22
Пѣсня 23
Осень 25
Къ добродѣтельной красавицѣ (элегія А. Л. Зиновьевой. . 26
Сирота . . . . . —
На день Ангела М. К. Палкиной. 27
Пѣсня 28
Пѣсня 31
Къ портрету А. С. Крюкова 32
Голосъ къ друзьямъ, о помощи 33

Стран.

Къ судьбѣ 34
Пѣсня . . . . . —
Посланіе Н. А. Артемьеву 37
Моя година 38
А. И. Зиновьевой. 39
Василію Григорьевичу Жукову 41
Бѣднячекъ Синій армячекъ. 42
На синій армячекъ замѣчаніе моего сосѣда Я. Верховаго . 65
Пустынникъ 67
Разсказъ 85
Признательность ко мнѣ моего сосѣда Якова Верховаго. . 88

Къ Русскимъ

(вмѣсто посвященія).

Въ двадцатый годъ моей весны,
Весны прекрасной и спокойной,
Какъ вдругъ поклонники луны,
На Русь сгустились тучей черной,
И съ нимъ, въ союзѣ роковомъ,
Двѣ христіанскія державы!...
Французъ и Англія съ мечомъ —
Защитники магометанской славы....
Корыстью дышащій народъ,
Коварства стрѣлы заостряютъ,
И въ христіанъ, въ могучій родъ,
Ударъ злодѣйскій направляютъ!...
О Русь, о свѣтлая страна!
Любимица вождей державныхъ,
Еще ль въ скрижаль не внесена
Страница дѣлъ твоихъ преславныхъ?...
И ты, какъ бурный океанъ,
Вскипѣла вдругъ, зашевелилась!

Родной надѣла свой кафтанъ
И разомъ вся вооружилась.
И вотъ ужъ вьются знамена
Полковъ отважныя дружины!
Народа хлынула волна
И видъ мѣняется картины.
Герой въ кафтанѣ, съ кушакомъ,
Убравъ штаны за сапогами,
И шапка Русская съ крестомъ,
И мечъ «гроза между врагами» —
Блеститъ во длани боевой!
И витязь мужествомъ пылаетъ.
О, воинъ Русскій! подвигъ твой
Самъ Богъ и Царь благословляетъ!
Война за вѣру, царской тронъ,
За православіе святое,
За христіанскій нашъ законъ
И имя Русское родное...
Друзья, товарищи, родные!
Ура!!! Еще чего же ждать?..
Въ ряды дружины удалыя,
И вѣру крѣпко защищать!
Или послѣдуемъ стопами
Нижегородскихъ согражданъ:
Сребро и злато, мы руками
Все, все снесемъ героямъ въ дань!

ДУХЪ РУССКАГО НАРОДА,

ЛЮБОВЬ КЪ ГОСУДАРЮ

И

ПРЕДАННОСТЬ КЪ ОТЕЧЕСТВУ.

На гласъ премудраго Россійскаго Царя!
За вѣру и законъ, за святость алтаря
Въ Россіи старъ и младъ готовы всѣ возстать,
Готова Русь на бой — и ей не привыкать
Достойно поражать дерзнувшаго врага;
Махмутовой луны не страшны намъ рога,
Не страшенъ Россамъ бой за вѣру и алтарь;
Лишь словомъ повели, Великій Государь!
Милліоны Россіянъ воспрянутъ предъ Очами,
Позволь, и полетятъ могучими орлами.
И вотъ отецъ дѣтей на брань благословляетъ,
Въ восторгѣ одного иконой награждаетъ,
Другому изъ любви снимаетъ крестъ съ себя.
Спѣшите защищать честь, родину любя,
Святой Владычицы покровъ не сокрушимъ.
А Крестъ! великій Крестъ! онъ святъ, не побѣдимъ!

Тутъ пламенный супругъ супругу оставляетъ,
Прощается съ дѣтьми, на битву отлетаетъ;
Тамъ цѣлая семья, дряхлѣющая мать,
Спѣшили удальца въ объятія прижать;
Здѣсь юноша женихъ и бравый изъ себя
Красавицу забылъ, отечество любя.
Повсюду Русскій духъ вездѣ отвагой дышетъ,
Къ Царю-Отцу любовь какъ огнь у Россовъ пышетъ!
Пускай идутъ на Русь! весь Западъ и Востокъ,
Но что жъ они найдутъ? себѣ ужасный рокъ!!..
Пускай идетъ на Русь полміра вѣчной тьмой,
Но Русь воспламенитъ святый свѣтильникъ свой,
И тьма крамольная исчезнетъ яко дымъ.
Всѣ мертвыми падемъ — Россію защитимъ!
Съ ней дѣло правое и цѣль святая всѣхъ —
Изъять изъ пасти льва людей несчастныхъ тѣхъ,
Которыхъ вопль и плачь по стогнамъ раздается,
Гдѣ кровь невинная ручьями всюду льется,
Поступки варварства, насильствъ и грабежа
Свершаются надъ нимъ, ни чѣмъ недорожа,—
Ни святостью дѣтей, ни честью женъ и дѣвъ,
И храмы Вышняго срамленье претерпѣвъ.
Гдѣ прежде пламенѣлъ священный фиміамъ,
Теперь же рдѣетъ кровь убійствъ ужасныхъ тамъ;
Сіи-то жалобы и стоны этихъ странъ,
Жестокая судьба восточныхъ христіанъ,
Поруганный злодѣйски храмъ святаго алтаря,
Подвигнули на брань Россійскаго Царя!
Не славы ищетъ Онъ, могущъ и безъ того,
Законно требуетъ лишь права одного —

Защиты для людей жестоко угнетенныхъ,
Святыню оградить отъ бѣшенства невѣрныхъ.
Британецъ и Французъ, поклонники Христа,
Въ безумьи за чалму идутъ противъ Креста.
Смиритесь жалкіе крамольные народы!
Злодѣю, извергу дающіе свободу.
Чего вы ищете и жаждите отъ насъ?
Могущество дано Россіи не отъ васъ,
И вы, завистники ея священныхъ правъ,
Религію, законъ изъ зависти дерзаете попрать;
Къ чему жъ вы нудите другія племена
Накинуться на Русь?.. Россія не одна:
Въ Россіи ВѢРА есть, НАДЕЖДА и ЛЮБОВЬ,
Предстательство святыхъ, Владычицы покровъ;
Съ Россіей на враговъ во бранѣхъ сильный Богъ!
И съ воиномъ ея святая честь и долгъ.
Скажи Россійскій Царь къ Россіи одно слово!
Россія же въ отвѣтъ: Монархъ! ужъ все готово!
Позволь! и мы пойдемъ въ огонь и за моря,
За вѣру, Русь, законъ и Русскаго Царя!...

Отвѣтъ моего сосѣда Ивана Чагинова на подарокъ «Стихотворенія».

Мужичокъ - поэтъ поэту
Первый опытъ посвятилъ,
И какъ ближайшему сосѣду
Даръ поэзіи открылъ.
Съ нами Богъ! И мысли къ Богу;
Самороднымъ ты умомъ
Описалъ войны тревогу,
Не учась, простымъ перомъ.
Сей подарокъ уважаю,
Какъ талантъ рожденный вновь,
И тебя, мой другъ, сближаю
Имѣть дружбу и любовь.

Иванъ Чагиновъ,
крестьянинъ дер. Ферзева.

18-е февраля 1855 года.

(МОЛИТВА РОССІИ).

Россія дщерь Отца-Царя,
Дитя лелѣемое нѣжно,
Спѣшитъ къ подножью алтаря,
Спѣшитъ и молится прилежно:
«Творецъ небесный сохрани
Отца-Монарха Николая!
И ты Владычица святая,
Мольбы моей не отжени:
Спаси Царя! Онъ мнѣ отецъ,
И другъ, и вождь непобѣдимый,
Народомъ искренно любимый;
Спаси его! спаси Творецъ!...»

Ужъ смолкнулъ колоколъ призывный
И богомольцы шли домой,
Вдругъ звонъ раздался заунывный,
Звонъ тихій, мрачный, замогильный,
Печальный, страшный, гробовой...
Всю Русь, какъ громомъ поразила
Нежданно горестная вѣсть...
Забылась брань, забылась месть,
Все, все Россія въ мигъ забыла...

Увы!.. лишилась Русь того,
Что было ей такъ драгоцѣнно,
Что такъ для Русскаго священно,
Отца-Монарха своего!...
О! гдѣ же Онъ нашъ властелинъ?
Надежный подданныхъ хранитель,
Защитникъ вѣры, правды чтитель,
Душей и тѣломъ исполинъ?
Гдѣ Онъ? гдѣ Онъ? увы!.. угасъ...
Угасъ... и въ вѣчность преселился!
Былъ тихъ Его послѣдній часъ,
Когда съ Россіей Онъ простился...
Миръ вѣчный праху Твоему,
Отецъ отечества и славы!
Держава, тронъ, законъ, уставы,
Даютъ безсмертіе Ему!..

Да узримъ мы того жъ Отца
Въ Его наслѣдникѣ законномъ,
Царемъ Россіи быть достойнымъ,
Достойнымъ славнаго вѣнца!
Пусть долго зримъ Его на тронѣ,
Съ державой, скипетромъ въ рукахъ,
Съ верховной мудростью въ очахъ,
И въ прародительской коронѣ!
Да узримъ мы блаженство вновь
Подъ скиптромъ юнаго владыки
И вознесемъ побѣды клики,
Въ отвѣтъ на царскую любовь.

ЧУВСТВО РУССКАГО

ПРИ ВОСШЕСТВІИ НА ВСЕРОССІЙСКІЙ ПРЕСТОЛЪ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА II.

Лозы́ отростокъ благодатный,
Плодъ нѣжный, зрѣлый, ароматный,
Побѣдныхъ лавръ душистый цвѣтъ —
Цвѣти, красуйся много лѣтъ!

Цвѣти для вѣры, чести, славы,
Цвѣти на страхъ крамольныхъ золъ,
Монархъ полуночной державы,
Цвѣти, какъ Македонскій цвѣлъ!

Цвѣти могучій громоносецъ,
Двуглавый Русскій нашъ орелъ,
И Александръ порфироносецъ,
Цвѣти, какъ Петръ Великій цвѣлъ!

Цвѣти преемникъ славныхъ дѣлъ
Безсмертной славы Николая,
Цвѣти и родина святая,
Какъ вѣкъ Екатерининъ цвѣлъ!

Цвѣти премудрость дѣлъ твоихъ,
Вѣнца наслѣдникъ благовѣрный,
Въ Тебѣ Второй благословенный
Воскресъ для отраженья злыхъ!..

Цвѣти и сынъ, какъ цвѣлъ Отецъ,
Монархъ во вѣки незабвенный,
Какъ Николай правдивый первый
Стяжалъ безсмертія вѣнецъ!

Цвѣти надежда - Государь,
Младый помазанникъ небесный,
И животворный цвѣтъ прелестный,
Святая Русь, цвѣти какъ встарь.

Цвѣти, мужайся и крѣпись
Во дни крамолъ годины трудной;
Лишь скажетъ Царь и ратью дружной
Во славу Бога ополчись!

Цвѣти хоругвь твоихъ побѣдъ
Среди огней войны кровавой,
И Александра новой славой
Вѣнчаешь ты, вѣнчаетъ свѣтъ.

Цвѣти въ побѣдахъ Русской тронъ,
Страшись паденья врагъ надменный,
Грядетъ Второй благословенный,
Да защититъ Россію Онъ!

Цвѣти святый Іерусалимъ
И грекъ въ неволѣ угнетенный,

Грядетъ Второй благословенный
И Ангелъ защититель съ нимъ.

Цвѣти восторженный пѣвецъ,
Пѣвецъ-крестьянинъ вдохновенный,
Грядетъ Второй благословенный,
Святая Русь плети вѣнецъ!

Цвѣти въ раю на небесахъ
Душа Монарха Николая,
Святая, добрая, прямая,
Непобѣдимая въ бояхъ!

Цвѣти о! вѣра, честь и долгъ!
Цвѣти надежда вѣковая,
Любовь къ Отечеству святая,
И да воскликнемъ «съ нами Богъ!»

СТИХОТВОРЕНІЯ,

ПОСВЯЩАЕМЫЯ

М. С. ВЛАДИМІРОВУ.

ПОСЛАНІЕ

Михаилу Степанозичу

ВЛАДИМІРОВУ.

Желали вы моихъ стиховъ,
Крестьянской музы пѣснопѣнья,
Минутъ восторга, развлеченья:
Пою — и пѣсни слогъ таковъ:
«Въ моихъ стихахъ найдете вы
Одну тоску, одни стенанія,
Любви мучительной страданія,
И лепетъ мрачныя молвы;
Я не талантливый пѣвецъ,
И житель хижины убогой
Незнатной движуся дорогой.
Одна надежда лишь Творецъ!
Коса, соха и борона,
Вотъ все мое образованье,
Ношу крестьянское названье
И чуждъ тревожнаго я сна.

Мой сонъ спокойный и простой
Нетронутъ пышностей мечтами,
Одинъ своими лишь трудами
Учился грамотѣ святой.
Отъ скуки, времени-ль досуга
Стишокъ иль пѣсенку сложу,
И въ томъ отраду нахоху,
И въ одинокой жизни друга.

КОЛЬЦО.

Что не веселъ сидишь,
Что на сердцѣ таишь?
Или грусть молодца
Тяготитъ удальца?
Не тоскуй, не горюй,
На! возьми отъ нее,
Отъ любезной твоей,
Золотое кольцо!
Будь же вѣренъ всегда,
Не забудь никогда;
А она отъ тебя
Умираетъ любя.
На! возьми же ее
Золотое кольцо!
Напиши отъ себя
Лишь одно письмецо.

Не пишу я письма,
Лучше придетъ сама,
И тогда я ее
Расцѣлую за то.

САРАФАНЧИКЪ.

Сарафанчикъ ты мой
Съ бахромой золотой,
Что ты новой шумишь,
И объ чемъ говоришь?
Или лебедь плыветъ
По игривой волнѣ?
Или милый идетъ
На свиданье ко мнѣ?
Но скажи же скорѣй,
Онъ всего мнѣ милѣй,
Или я разсержусь
Изъ тебя разряжусь;
Говори же скорѣй
Скоро ль прійдетъ дружокъ?
Я безъ всякихъ затѣй
Съ нимъ отправлюсь въ лужокъ.
Тамъ его обнимать
Цѣловать, цѣловать.

ДУШЕГРѢЙКА.

Что же, что же,
Душегрѣечка твоя,
Что не грѣетъ
Одинокую тебя?
Или туча
Громоносная страшитъ?
Или милый
Пересталъ тебя любить?
Растегнулись
Петли гарусныя,
Распахнулись
Полы шелковыя,
Грудь линейная
Бѣлѣется,
Розой дѣвица
Алѣется,
Груди полныя
Прикрыты лишь фатой
Умножали нѣжность
Дѣвы молодой;
А она, она,
Тоскуетъ и груститъ
А любезный?
Онъ въ землѣ давно лежитъ.

УТРО ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Ну ка съ Богомъ жена
На работу иди,
Занялась ужъ заря,
Хоть сама погляди,
Слышь звуки серпа
Раздаются вдали.
Это вѣрно жнецы
На поляну пошли;
Молися же Богу
И маршъ поскорѣй;
Возьми же въ дорогу
Жена сухарей,
Поставецъ водицы
Иль квасу налей,
Накормлены-ль птицы?
Буди дочерей.
Ахъ дѣти вставайте,
Пора ужъ вставать,
Отцу помогайте
И матери жать.
Такъ добрый крестьянинъ,
Боясь опоздать,
И утромъ пораньше
Заботился встать.

ЛЮБОВЬ КЪ ПРИРОДѢ.

Какъ люблю я сидѣть
Вечеркомъ у окна,
Любоваться, глядѣть
Какъ восходитъ луна.
Какъ люблю я сидѣть
Среди ночи въ саду
И безмолвно глядѣть
На падучу звѣзду.
Какъ люблю я лѣтать
На ретивомъ конѣ
И дельфиномъ нырять
По морской глубинѣ.
Какъ люблю я мечтать
О побѣдныхъ браняхъ
И громить, поражать
Супостата во прахъ.
Какъ люблю я ходить
Одиноко въ лѣсу
И на сердцѣ таить
Дѣвы милой красу.
Какъ люблю я гулять
Въ хороводѣ весной
И часы коротать
Со красоткой моей.
Какъ люблю я хранить
Юной дѣвы любовь
И огнемъ пламенить
Раскрасавицы кровь.

Какъ люблю я пожить
На распашку душой,
Милой станъ нарядить
Въ сарафанъ голубой.
Какъ люблю я сидѣть
Невидимкою съ ней,
Любоваться, глядѣть
Въ очи милой своей,
Какъ люблю я сказать:
«Дорогая прости»
Нѣжно къ сердцу прижать,
Цѣловать и идти.

КЪ ДИТЯТИ.

Что шалишь ты дитя,
Осторожно играй,
И въ голубку шутя
Черепкомъ не кидай;
Ты въ нее попадешь
И невинно убьешь,
Будешь послѣ по ней
Слезы лить изъ очей:
«О! какъ золъ же я былъ
И за что погубилъ!
Сизокрылая встань,
Встрепенись, полѣти
И меня шалуна
За обиду прости.

ПѢСНЯ.

Вдоль деревни
Добрый молодецъ идетъ,
Вдоль широкой
Онъ расхаживаетъ,
На окошечки посматриваетъ,
Знать что дѣвицу выманиваетъ.
Красна дѣвица
Давно уже ждала
Дорогова
У косящата окна,
Призадумавшись
За пряхою, одна
И такую
Думу думала она:
«Долголь солнце
Не покроютъ облака,
Скоро-ль милаго
Увижу я дружка?
Тутъ вздохнула
Красна дѣвица душа,
И вздохнувши,
Посмотрѣла изъ окна.
Увидала
Добра молодца въ лицо,
Выбѣжала
За калитку на крыльцо
И встрѣчала
Дорогова своего,

Прижимала
Къ сердцу накрѣпко его.
Долго, долго
Обнимались тутъ о ни,
Ужъ потухли
У сосѣдей всѣ огни.

ПѢСНЯ.

Было разъ въ Москвѣ,
Славномъ городѣ,
Во дѣвичѣскомъ
Пышномъ теремѣ
Подъ окошечкомъ
Красна дѣвица,
Подъ косящатымъ
Раскрасавица,
О житьѣ своемъ
Слезно плакала.
Во слезахъ она
Слово молвила:
«Помрачилося
Небо ясное,
Закатилося
Солнце красное,

Миновалася
Моя молодость,
Переставъ цвѣсти
Цвѣтъ лазуревой,
Измѣнилася
Красота моя,
Не горитъ въ косѣ
Лента алая,
Опостылѣлъ мнѣ
Нынѣ бѣлой свѣтъ,
Въ одиночествѣ
Безъ мила дружка
Разудалаго
Добра молодца».
Ты не плачь, не плачь
Красна дѣвица,
Не тоскуй по мнѣ
Раскрасавица;
Еслибъ воля мнѣ
Да свободушка
Да не дальная
Мать сторонушка,
Не оставилъ бы
Тебя милую,
Не забылъ бы я
Ненаглядную.

ОСЕНЬ.

Ахъ прошла весна и лѣто,
Началъ снѣгъ ужъ выпадать,
И вѣтръ холодный подувать,
Знать что осень стала это.
Вечера скорѣй темнѣютъ,
Мѣсяцъ тускло серебритъ,
Въ небѣ звѣздочки нѣмѣютъ,
Горизонтъ такъ не горитъ.
Солнце неба украшенье,
Улыбаясь, не войдетъ,
И на сердцѣ въ утѣшенье
Лучъ востора не прольетъ.
Въ полѣ травка пожелтѣла
И цвѣточки не цвѣтутъ,
Гдѣ бабурочка сидѣла;
Ея нѣтъ теперь ужъ тутъ.
Ручейки досель журчали
Безконечною струей,
А теперь ихъ спеленали
Ледяною пеленой.
И лѣсокъ, досель прекрасный,
Ронитъ шелковый свой листъ,
Гдѣ пѣвецъ любовно страстный
Возносилъ пріятный свистъ.
Гдѣ красавецъ нашъ пернатый
Голосистый соловей,
Здѣсь онъ холодомъ объятый
Улетѣлъ къ странѣ своей.

КЪ ДОБРОДѢТЕЛЬНОЙ КРАСАВИЦѢ

Александрѣ Ларіоновнѣ Зиновьевой.

(Элегія).

О ты! невинное, прелестное созданье,
Воспѣтой граціи достойная сестра,
Богиня красоты, души очарованье,
Да славный геній блаженства и добра
Благословитъ красавицы на вѣкъ существованье.
Полна душа твоя высокихъ созерцаній
И сердце нѣжное и умъ прекрасный твой,
Свѣтило совершенствъ, природы воздаянье,
Цвѣти красавица! какъ розанъ молодой.

СИРОТА.

Зачѣмъ я сынъ природы
На свѣтъ произошелъ?
Зачѣмъ въ младые годы
Какъ роза не разцвѣлъ?
Убитый весь судьбою,
Какъ пташка одинокъ,
Живу лишь самъ собою,
Какъ маленькій юрокъ;

Напасти навязались,
Лишь только родился,
Отецъ и мать скончались
И я—я... поплелся
Вдоль юдоли плачевной
Въ мірскую суету
Одинъ Творецъ вселенной
Хранитъ лишь сироту.

НА ДЕНЬ АНГЕЛА

М. К. Палкиной.

Какое вижу восхищенье
Какую радость на устахъ,
Румянецъ яркій на щекахъ
И сердца нѣжнаго біенье,
Скажи прелестное дитя
Пѣвцу восторгъ твой откровенно —
Сегодня праздникъ непремѣнно?
Иль такъ ты рѣзвишься шутя?
Какой дадите вы отвѣтъ?
Я это знаю безъ сомнѣнья!
«Какъ ошиблись вы поэтъ,
Я торжествую день рожденья!»
Вы имянинница? пріятно,
И я ликую наконецъ!

Дитя ты мило, и прекрасно,
Да сохранитъ тебя Творецъ,
И Ангелъ, твой хранитель дѣтства,
Крылами вѣры осѣнитъ,
И днями лучшаго блаженства
Отецъ небесный наградитъ;
И ты, какъ роза молодая
Среди бѣлѣющихъ цвѣтовъ,
Цвѣти дѣвица дорогая,
Съ тобою Вышняго покровъ,
На радость милой вамъ мамаши,
На удовольствіе родныхъ,
Въ пріятность добраго папаши
И на веселіе другихъ.
Дитя — восторженный поэтъ
Свое приноситъ поздравленье
И вамъ желаетъ много лѣтъ
Цвѣсти въ пріятномъ наслажденьи.

ПѢСНЯ.

Что не громъ гремитъ,
Не стрѣла разитъ:
То разитъ сушитъ
Грусть несносная,
То болитъ сердце
Молодецкое

По бѣломъ лицѣ,
Красной дѣвицѣ,
По яснымъ очамъ
Раскрасавицы.
Какъ услышалъ онъ,
Добрый молодецъ,
Молву дурную,
Имъ нежданную,
Выражаетъ онъ
Въ таковыхъ словахъ
Свою думушку
Нестѣрпимую:
«Мнѣ понравилась
Душа дѣвица,
Приглянулись мнѣ
Очи ясныя,
Полюбилъ ее
Лебедь бѣлую,
Мою краличку,
Бѣлосвѣтную,
Лучше жизни всей
Свѣта бѣлаго,
Золотыхъ лучей
Солнца краснаго.
Я любилъ гулять
Во чистомъ полѣ,
Любоваться тамъ
Красной дѣвицей,
Она жала какъ
Ниву зрѣлую

Своей рученькой
Бѣлоснѣжною.
Я любилъ гулять
Въ хороводѣ съ ней,
Ходить объ руку
Съ красной дѣвицей.
Какъ услышалъ вдругъ
Отъ сосѣдей я
Злую вѣсточку,
Вѣсть нежданную:
Ты ходилъ гулялъ
Добрый молодецъ
Бойкимъ гоголемъ
Позалуговью,
Яснымъ соколомъ
Поподнебесью,
Съ красной дѣвицей
Ненаглядною;
Хорошо она
Разнаряжена,
Не тебя любить
Предназначена.
(Хорошо древо,
Славно выцвѣло,
Не на мѣстѣ лишь
Оно выросло).
Если бъ Мурма-та
Наша рѣчинька
Была Ладожскимъ
Славнымъ озеромъ,

А деревня-та наша матушка
Петербургомъ-ли пышнымъ городомъ;
Но а ты-то бы,
Добрый молодецъ,
Побогаче былъ —
И не крестьяниномъ.»

ПѢСНЯ.

Ахъ! поди же ты
Душа дѣвица,
Замужъ милая,
Раскрасавица;
Будешь въ бархатѣ
Разнаряжена,
Златомъ серебромъ
Разукрашена,
Алыми лентами
Вся разбанчена,
Крупнымъ жемчугомъ
Разувѣшена,
Мелкимъ бисеромъ
Разунизана;
Теремъ новый я
Для тебя куплю,
Свѣтлу горницу
Со кроваткою.

Яства лучшія
Припасаются,
Вина крѣпкія
Разливаются,
Всѣ тебя краса
Дожидаются.
Тутъ въ отвѣтъ ему
Красна дѣвица,
Слово молвила
Раскрасавица:
Невидать тебѣ,
Добрый молодецъ,
Солнца краснаго
Во всю жизнь свою,
Не вести къ вѣнцу
Меня дѣвицу,
Я давнымъ давно
Ужъ помолвлена,
За немилаго
Запоручена.

КЪ ПОРТРЕТУ А. С. КРЮКОВА.

Въ твоемъ портретѣ вижу я
Черты высокихъ вдохновеній,
Супруга милая твоя
Найдетъ въ нихъ много наслажденій.

И сколько радости прольетъ
Сей безжизненный портретъ
Въ сердца родителей безцѣнныхъ,
Съ тобою нынѣ разлученныхъ.

ГОЛОСЪ КЪ ДРУЗЬЯМЪ О ПОМОЩИ

(НА ДОРОГУ).

Друзья! въ послѣдніе дни разлуки
Одно спасенье вижу въ васъ;
Спасите бѣднаго отъ муки,
Незриньте горе и ужасъ!
О, другъ! моя несчастная доля
Открыла мнѣ къ напасти дверь;
Меня влачитъ домой неволя,
Я бѣденъ, нищь, не лгу, повѣрь.
Друзья! я взоръ къ вамъ простираю,
Прошу несчастному помочь.
О, вы добры, я понимаю,
Друзья, отъ ближняго не прочь!
Я васъ прошу не откажите;
Друзья, Господь награда вамъ!
Хоть сколько можно одолжите,
Весь преданъ къ вашимъ я стопамъ.

КЪ СУДЬБѢ.

Судьба спѣши окончить муки
Страданье счастіемъ замѣнить,
Прервать злосчастную разлуку
И съ милой вѣчно съединить.
Когда исполнится желанье?
Когда свершится жребій сей?
Ахъ! одно только мечтанье:
Не суждено ей быть моей....
У ней премножество богатства
И знатныхъ, пышныхъ жениховъ;
Но я владѣтель лишь крестьянства
И еще нѣсколькихъ стиховъ.
Нѣтъ, нѣтъ! напрасны всѣ надежды,
Я долженъ милую забыть!
Когда не узрятъ ее вѣжды,
То сердцемъ буду вѣкъ любить.
Прости, прости другъ несравненный
И будь вѣрна ему всегда,
И знай, что Кругликовъ твой вѣрный
Ужъ не измѣнитъ никогда.

ПѢСНЯ.

Не на рѣчкѣ во лужечкѣ
Травка колыхалась,
Не водица въ ручеечкѣ
Тихо колебалась,

То по молодцѣ
Дѣвица тоскуетъ,
То по миленькомъ
Красная горюетъ;
Позабылъ ее,
Милый опокинулъ,
А покинувши дѣвицу,
Погибнулъ.
Ахъ! ты теремъ,
Мой теремъ распечальный,
Ахъ ты перстень,
Мой перстень обручальный;
Вѣрно дѣвицѣ
Въ теремѣ не жити,
Обручальнаго перстня
Не носити.
Такъ по молодцѣ
Дѣвица тоскуетъ,
По любезномъ
Красавица горюетъ.
Ужъ у дѣвицы
Перстень распаялся;
А любезный?
Онъ къ ней невозвращался.

ПОСЛАНІЕ Н. А. АРТЕМЬЕВУ.

Мой милый другъ прости меня,
Я не пишу тебѣ о многомъ:
Клянусь тебѣ душей предъ Богомъ,
Пишу и токи слезъ роня.
Объ чемъ? ты спросишь изъ участья.
Быть можетъ тяжко воздохнешь,
Какія бѣдствія, несчастья
Съ роднымъ и межъ друзей несешь?
Ахъ, милый другъ! лишь ты одинъ
Мнѣ другъ и братъ родной душею,
Лишь ты одинъ всегда со мною,
Среди красотъ лѣсовъ, долинъ.
О ты! давно ли другъ мой милый
Меня блаженствомъ надѣлилъ,
Съ мечтой о бракѣ породнилъ.
Теперь брожу я какъ унылый...
Я зрѣлъ ее, о другъ любезный,
О ней мечтали мы втайнѣ.
Всегда, вездѣ, въ яву, во снѣ;
Я вижу ликъ ея безцѣнный;
Она мила, скромна, прекрасна,
Какъ дѣва рая сладострастна,
Какъ дщерь прелестная богинь,
Какъ роза пышная долинъ.
Она, которая все счастье,
Блаженство въ жизни съ нею мню,

По ней я токи слезъ роню, —
Она, она мое несчастье.
Николя, другъ души моей!
Ужель судьба есть такъ жестока?
Ужели горестнаго рока
Не прекратитъ? О нѣтъ, я съ ней!
И не забуду то; когда же въ хороводѣ
Она была всѣхъ краше и милѣй,
И я, благодаря всевнемлющей природѣ,
Блаженство созерцавъ, шелъ объ руку я съ ней.
Потомъ не разъ я былъ на полѣ
Съ ружьемъ охотничьимъ въ рукахъ,
Когда она на полосахъ
Тамъ жала ниву въ полной долѣ.
Не знаю, другъ души моей,
Не знаю, сбудется-ль желанье.
О Боже мой! позволь мнѣ съ ней
Достигнуть брачнаго вѣнчанья.

МОЯ ГОДИНА.

(Посвящается друзьямъ).

Пройдутъ былыя времена,
Быть можетъ и моя година
Пройдетъ какъ ранняя весна,
И канетъ на землю снѣжина.

Морозы, вьюга наконецъ
Съ ветрами бурными возстанетъ:
Угаснетъ бѣдный вашъ пѣвецъ,
Никто объ немъ и не вспомянетъ,
Никто... О! милые друзья,
Знакомцы, ближніе, родные,
По вамъ молиться буду я,
Когда исчезнутъ дни былые.
Придетъ весна, лужокъ проглянетъ,
И лѣсъ пушистый расцвѣтетъ,
Пѣвецъ - крестьянинъ ужъ не встанетъ,
И пѣснь не сложитъ, не споетъ.

А. И. ЗИНОВЬЕВОЙ.

Я помню то, какъ ты была,
Прелестной милою дѣвицей,
Въ семьѣ за ангела слыла,
А межъ подругами царицей,
Царицей сельской красоты,
Весенней роскоши пріятной,
Царицей дѣвственной мечты,
Невинной, скромной, непонятной.
Теперь ты женщина?... О! нѣтъ,
Все тотъ-же ангелъ воплощенный;

Все тотъ-же пламенникъ священный,
Горитъ во множествѣ планетъ.
Ты мать уже своихъ дѣтей,
Но, дѣти сирыя иныя
Тобой любимы какъ родныя,
Прильнули у груди твоей.
И ты нѣжнѣйшая мать,
Супругу вѣрная супруга,
Въ бѣдахъ несчастнаго подруга,
Спѣшила къ сердцу ихъ прижать.

О! если-бъ я все сдѣлать могъ,
И все бъ имѣлъ въ своей я волѣ,
Тебѣ одной я въ чистомъ полѣ,
Хрустальный создалъ-бы чертогъ,
И далъ бы вдоволь вѣрныхъ слугъ,
И самъ къ тебѣ пошелъ-бъ я въ службу,
Съ богинями я свелъ-бы дружбу,
И въ граціяхъ нашелъ-бъ подругъ.
И взялъ-бы лиру золотую,
А музы стали-бъ воспѣвать;
Утѣшилъ-бы тебя родную,
Мою единственную мать.

ВАСИЛЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ

ЖУКОВУ.

Ты всѣхъ благотворишь,
И щедро награждаешь;
То къ бѣдному спѣшишь,
То сирыхъ утѣшаешь,
То видя пришлеца,
Спѣшишь къ нему; не прочь,
И съ чувствами отца
Стараешься помочь.
Поэтому тебѣ
Пою я бѣдняка,
Столь равнаго себѣ —
Роднаго земляка.

БѢДНЯЧЕКЪ,

СИНІЙ АРМЯЧЕКЪ.

НАРОДНАЯ БЫЛЬ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Василью Григорьевичу Жукову.

Кто не знаетъ сельскихъ націй (*),
Кто въ деревнѣ не живалъ,
И Ярославскихъ нѣжныхъ грацій
Быть супругомъ не желалъ,

Тотъ не знаетъ, сколько горя
Долженъ суженый принять,
Какъ стоять на брегу моря,
И погоды счастья ждать.

Вотъ когда корабль сужденій
Съ доброй вестью прилѣтитъ,
И звѣзда судьбы рѣшеній
Ярко въ небѣ заблеститъ.

Но не каждый же въ народѣ
Получаетъ корабли;
Есть и бѣдность въ такомъ родѣ,
Рѣдко водятся рубли.

А не дастъ женихъ подъ выводъ (**),
Такъ отказная сейчасъ;
И корабль судьбы отплынетъ,
И звѣздочный лучъ погасъ.

(*) Ярославской губерніи, Любимскаго, Даниловскаго и Пошехонскаго уѣздовъ, вообще славившихся особеннымъ щегольствомъ.

(**) Подъ выводъ значитъ деньги, которыя необходимо долженъ внести женихъ за невѣсту родителямъ ея или родственникамъ, а иначе лишается правъ на полученіе брака.

Трудно бѣдному жениться,
Не имѣть цѣлковыхъ сто;
Тоже надо нарядиться
Въ новомодное пальто.

И сюртукъ, жилетъ и брюки
По журналу надо сшить,
И въ карманъ убравши руки
Политично говорить.

И часы съ цѣпочкой новой,
И перчаточки надѣнь;
Сапожокъ чтобъ былъ козловой,
Шляпа вовсе на бекрень.

Вотъ сбирается бѣднякъ
Побывать въ деревнѣ;
Сшилъ нераженькой армякъ,
И то въ одолженье.

Вотъ бѣднякъ мечтаетъ мой,
Что армякъ сшилъ новой.
Ужъ приду же я домой
Съ славною обновой.

И красотокъ тамъ довольно,
Съ ними весело гулять,
Во лѣсахъ, лужкахъ привольно
Я и буду тамъ стрѣлять.

«Тогда я понравлюсь
«Невѣстѣ любой,
«И къ тещѣ отправлюсь
«Съ женой молодой.

«И буду жить паномъ
«Въ деревнѣ моей;
«Хоть тоньше карманомъ
«Богатыхъ людей.

«Но вѣрнымъ супругомъ
«И нѣжнымъ отцомъ,
«Сопутникомъ, другомъ
«И лихимъ молодцомъ.

Вотъ дорогою широкой
Путникъ медленно идетъ;
Опоздалый, одинокій
Онъ котомочку несетъ.

Костылькомъ вооруженный,
Еще молодъ очень былъ;
И лицомъ не много нѣжный
На знакомца походилъ.

Взялъ гармонику изъ сумки,
Съ неизмѣннымъ костылькомъ;
Сталъ поигрывать отъ скуки,
И пошелъ одинъ лѣскомъ.

Время къ вечеру клонилось,
Сумракъ ночи выступалъ;
Сердце путника забилось,
Страшно стало, опоздалъ!

Нѣтъ селенья близъ дороги,
Не гдѣ путнику пристать;
Онъ не въ силахъ двигать ноги,
Ужъ не можетъ и ступать.

Солнце путь свой довершаетъ,
Озарился небосклонъ,
Потомъ снова потухаетъ;
Ночь настала, крѣпкій сонъ.

Страшно путнику остаться
Средь дороги ночевать;
«Знать мнѣ съ родиной разстаться,
«Знать невѣсты не видать.

Трижды онъ перекрестился,
И молитву сотворилъ;
За кусточкомъ притаился,
И такъ ночь препроводилъ.

Солнце снова показалось,
Выкатаясь изъ за горъ;
Все въ природѣ оживлялось
Ужъ не страшенъ сталъ и боръ.

Птички весело запѣли
На кусточкахъ при лѣсахъ.
Постушки въ рожокъ гудѣли
При долинахъ и стадахъ.

Путникъ взоры открываетъ,
И крестясь отъ сна встаетъ,
Въ помощь Бога призываетъ,
Потомъ снова въ путь идетъ.

Вотъ ужъ солнце озаряетъ,
Величавымъ блескомъ міръ;
Вотъ ужъ тихо подуваетъ,
Межъ кусточками зефиръ.

Земледѣлецъ жавши ниву,
Мирно въ полѣ отдыхалъ;
А другой держа огниву,
Огонька тамъ высѣкалъ.

Постушокъ въ лужкахъ прекрасныхъ,
Важно въ дудочку игралъ;
И къ струямъ онъ водъ прозрачныхъ,
Тутъ стада свои сгонялъ.

Наступаетъ полдень знойный,
Путникъ сѣлъ въ кусты подъ тѣнь;
И судьбой своей довольный,
Такъ проводитъ цѣлый день.

Вечеркомъ встаетъ онъ снова,
И идетъ своимъ путемъ;
Нѣтъ товарища другова,
И не встрѣченъ былъ ни кѣмъ.

Вдругъ, сквозь темный сумракъ ночи,
Огонекъ вдали мелькнулъ,
Путникъ быстро взводитъ очи,
И невольно самъ вздрогнулъ.

Огонекъ горитъ свѣтлѣя,
Путникъ ближе подходилъ,
Мѣсяцъ на небѣ алѣя,
Лучи на землю ронилъ.

Вотъ подходитъ къ деревушкѣ:
Путникъ робко посмотрѣлъ,
И пошелъ туда къ избушкѣ,
Гдѣ огонь свѣтло горѣлъ.

Стукъ, стукъ, тихо объ окошко,
Костылькомъ едва досталъ,
Подождавъ, потомъ немножко,
Мужской голосъ услыхалъ.

Кто такой? за чѣмъ стучится?
Иль голубчикъ опоздалъ?
«Да, позвольте пріютиться,
Путникъ жалостно взывалъ.

«Буль такъ милостивъ всегда,
«Мой отецъ и благодѣтель;
«Я не забуду никогда,
«Твою святую добродѣтель.

Вдругъ калитку отворила
Дѣва рѣдкой красоты,
И не знакомцу говорила:
«Чей? откуда? и кто ты?

«Я прохожій издалека,
«Незнакомецъ сей страны,
«Сынъ простаго человѣка,
«Званье, почести, равны.

Взоръ красотка опустила,
Оглянувшися назадъ,
И стыдливо пригласила,
Незнакомца ночевать.

Входитъ въ избу помолился,
И робѣетъ и несмѣлъ;
Бывшимъ низко поклонился,
Подъ полатки въ уголъ сѣлъ.

Вотъ семья обозрѣваетъ
Съ головы его до ногъ,
А пришельца то пугаетъ;
Бѣдный смотритъ на порогъ.

Между прочимъ же старушка,
Что-то шила у окна,
Тамъ стояла квасу кружка
Тутъ лукошко толокна.

Старичекъ слѣзаетъ съ печи,
И спустясь легонько внизъ,
Говоритъ пришельцу рѣчи:
«Кушать хочешь? — не стыдись.

«Чѣмъ богаты не взыщите,
«Просимъ милости за столъ;
«Чего нѣтъ, въ томъ извините,
«Вѣдь нежданный гость пришелъ.

«Буду предъ Богомъ свидѣтель,
Путникъ старцу говоритъ,
«За святую добродѣтель,
«Васъ Господь вознаградитъ.

Помолясь иконѣ Спасу,
И усѣвшись близь окна,
Наливалъ онъ чашку квасу,
Потомъ клалъ и толокна.

Подкрѣпивъ довольно силы,
За хлѣбъ — соль благодарилъ;
«Буду помнить до могилы,
Онъ крестясь, проговорилъ.

Тутъ пошли ко отдыханью,
Всѣ постельки стали стлать,
Ко всеобщему желанью
И прохожій хочетъ спать.

Ночь проходитъ незамѣтно,
Скоро утро настаетъ,
Солнце смотритъ ужъ привѣтно
Съ высоты на бѣлый свѣтъ.

Путникъ всталъ, засуетился,
Взялъ котомочку надѣлъ;
Съ благодѣтелемъ простился,
Въ путь дороженьку пошелъ.

Могъ пройти версту не болѣ,
Зашумѣли вдругъ лѣса!
Вѣтръ шумѣлъ все болѣ, болѣ,
Вотъ чернѣютъ небеса!

Громъ съ раскатомъ раздался,
Стрѣлы молніи лѣтали;
Градъ пошелъ, а дождь лился,
Ручьи повсюду зажурчали.

Бѣдный путникъ одинокъ,
Нѣтъ пристанища на полѣ,

До костей бѣднякъ промокъ
И терпѣть не въ силахъ болѣ.

«Творецъ Святый, о! защити!
(Простираетъ къ небу руки)!
«Волю стихій прекрати,
«Уменьши страданья, муки.

Гроза вскорѣ прекратилась,
Дождь идти переставалъ,
Травка вновь зазеленилась,
Зефиръ тихо подувалъ.

Солнце снова появилось,
Прояснились небеса,
Все что было, прекратилось,
Точно утренняя роса.

Путникъ видя перемѣну,
Небеса благодарилъ,
И грозѣ тогда въ замѣну,
Громко пѣсню заводилъ.

ПѢСНЯ.

Не бушуй гроза!
Гроза сильная.
Не лѣтай стрѣла!
Стрѣла острая.
Не пронзай же грудь,
Грудь сердечушко.

Ужъ и такъ оно
Все исколано
Иглами острыми,
Злой кручиною,
По бѣломъ лицѣ
Красной дѣвицѣ.
Не сіяй солнце
Свѣтло, радостно;
Мнѣ забыть ея
Сердцу жалостно.
Не забудь меня,
Душа дѣвица;
Я люблю тебя,
Ненаглядная!
Распрощай Москва,
Москва матушка;
Ты уклала спать
Вѣчно батюшка.
Обездомила
Меня молодца,
Чужа дальняя
Мать сторонушка!

На брегахъ рѣки широкой,
Волги матушки родной,
Идетъ путникъ одинокій,
Идетъ правой стороной.

Ярославль вдругъ показался,
Тамъ за рощей зеленой,
Живописно рисовался,
Полонъ прелести земной.

Вѣютъ флаги на судахъ,
Мирно въ Котрости стояли;
На соборахъ и церквахъ
Главы золотомъ сіяли.

Вотъ несется по волнамъ
Шлюбка легкая съ гребцами,
Иль съ дѣвицами пополамъ,
Иль съ лихими молодцами.

Тутъ расшивъ идетъ съ товаромъ,
Иль на якоряхъ стоитъ;
Тамъ машину движетъ паромъ,
Точно молнія летитъ.

Путникъ къ пристани подходитъ
И садится на челнокъ;
Волга лодочку уноситъ,
Онъ несется одинокъ.

Волга вдругъ заволновалась,
Челнокъ тонетъ межъ волнамъ,
И чуть чуть не затопляясь,
Приближался къ берегамъ.

По волнамъ ныряетъ лодка,
Пловецъ бросилъ и весло;
На брегу стоитъ слободка,
Туда лодку понесло.

У рѣки была дѣвица,
Воду черпала одна;
А слободка та Тверица,
Почему-то названа.

Наконецъ стремится онъ
Къ цѣли полнаго желанья;
Гдѣ усталость, гдѣ и сонъ,
Ночь идетъ безъ отдыханья.

Мило, радостно смотрѣть
На родное ему поле,
Онъ желалъ тутъ умереть,
И ничто не нужно болѣ.

Вотъ открылась предъ глазами
Деревушка, кровъ родной,
Между старыми избами
Онъ узналъ и домикъ свой.

О! прекрасное селенье,
Мнѣ родное Шульгино,
Здѣсь въ тебѣ благословенье
Небесами мнѣ дано.

Здѣсь бывало я гордился
Дѣтской рѣзвою игрой,
Какъ властитель иль герой,
И безпечно веселился.

Утромъ рано на зарѣ,
Пастушокъ въ рожокъ играетъ,
Когда каждый на дворѣ
Въ поле стадичко сгоняетъ.

Путникъ входитъ на крыльцо,
«Отоприте ради Бога!
И пристукнулъ о кольцо;
Въ домѣ сдѣлалась тревога.

Вдругъ калитка отворилась,
Мать на встрѣчу выбѣгала,
И въ восторгѣ прослезилась,
Нѣжно сына обнимала.

«Милый сынъ, откуда взялся?
«Точно съ неба ты упалъ,
«Точно призракъ показался,
«Иль самъ Богъ тебя послалъ?

Сынъ въ объятія упалъ
Изъ любви и уваженья,
Мать въ уста поцѣловалъ,
Полны оба восхищенья!

Всѣхъ радушнѣе старушка
Тутъ пришельца приняла,
Ей хотѣлось видѣть внучка
И тогда бы померла.

Теперь дома бѣднячекъ;
Вотъ исполнилось желанье,
Онъ надѣлъ свой армячекъ
И пошелъ ужъ на гулянье.

Къ хороводу онъ подходитъ,
Съ кудрей шляпу скидаетъ,
Взоромъ дѣвушекъ обводитъ,
Всѣмъ почтенье отдаетъ.

Вотъ толпа молодежа
Вольно, пышно веселятся,
И ни чѣмъ не дорожа
Предъ красотками гордятся.

Кто въ шинелѣ, сюртукѣ,
Кто съ часами щеголяетъ;
Нѣтъ подобныхъ въ армякѣ,
Только нашъ бѣднякъ гуляетъ...

Униженный встрѣчей сей...
Гдѣ то сладкое мечтанье!
Нѣтъ привольныхъ и полей,
Нейдетъ на мысль стрѣлянье...

Вотъ старушка начинаетъ
Внучку суженой искать,
И невѣсту выбираетъ,
Чтобъ была ему подъ стать.

«Бабушка, женихъ я бѣдный,
«Мнѣ богатая нужна,
«Чтобъ отъ участи плачевной
«Меня бъ избавила она.

«Что тебѣ, богатство что-ли?
«Взять богатую не бѣда,
«Только послѣ не изволи
«Слезно плакать отъ стыда.

«И въ богатствѣ есть такіе,
«Что чрезъ злато слезы льютъ
«А и въ бѣдности другіе,
«Наслаждаясь, вѣкъ живутъ.

«Вѣдь жениться, надо денегъ,
«А теперь намъ гдѣ ихъ взять?
«И нарядецъ-то худенекъ,
«Лучше надо подождать.

«Если хочешь быть женатымъ,
«Такъ изволь, невѣсту дамъ;
«Будешь купчикомъ богатымъ,
«Посмотри ее хоть самъ.

Онъ пошелъ смотрѣть невѣсту,
(Знать хотѣлось быть купцомъ).
Поспѣшить скорѣе къ мѣсту,
Обручиться хоть кольцомъ.

Вотъ нашъ юный бѣднячекъ,
(О! спаси его Десница),
Оправлялъ свой армячекъ;
Пришелъ, гдѣ была дѣвица.

Отчего сердце скучаетъ?
Что невесело ему?
Онъ одинъ про это знаетъ,
Но не скажетъ никому.

Бѣдный юноша страдаетъ,
А не знаетъ почему;
Но того не понимаетъ,
Здѣсь соперникъ есть ему.

Сей деревни молодцами,
Былъ одинъ изъ нихъ лакей;
Поясъ съ длинными концами,
Рукавъ загнутъ до локтей.

Жилетъ стараго декосу,
Дегтемъ вымазанъ сапогъ;
На кого похожъ онъ съ носу,
На того и съ самыхъ ногъ.

Это будто бы знакомый
Былъ какой-то изъ села.
(А невѣста-та съ обновой
Отъ него не разъ была).

Бѣднячекъ чистосердечно
Обращается ко всѣмъ.
Но не зналъ, что можетъ вѣчно
Ужъ не встрѣтится ни съ кѣмъ.

Дума крѣпкая
Въ головѣ моей;
Не видать то мнѣ,
Доброму молодцу,
Вѣсны красныя,
Лѣта теплаго.
Знать дано то мнѣ,
Горемычному,
Во сиротствѣ жить,
Жить, да плакаться.
Ахъ ты мать моя,
Мать сыра земля:
Поглоти меня
Въ бездну мрачную,
Я не буду зрѣть
Свѣту бѣлаго,
И не буду знать
Горя этого.
Какъ же быть теперь,
Доброму молодцу,
Иль жениться мнѣ,
Взять не по сердцу,
Взять богатую
И надмѣнную,
Или бѣдную,
Друга вѣрную.
Лучше съ бѣдной жить,
Въ бѣдствѣ маяться;
Но чѣмъ вѣкъ тужить,
Вѣчно казниться.

Тутъ ямщикъ тряхнулъ возжами,
Лошадей пріободрилъ,
Тройка скрылась за горами:
Ея нѣтъ, и слѣдъ простылъ.

НА СИНІЙ АРМЯЧЕКЪ,

замѣчаніе моего сосѣда поэта Я. Верховаго.

Твой армякъ надѣлъ на плеча,
Получа его себѣ,
Въ немъ плечамъ моимъ есть встрѣча
И относится къ тебѣ;
Кто же далъ во одолженіе
Армячекъ тебѣ носить,
То тому за поощреніе
Долженъ ты благодарить.
Армячекъ твой надѣваю,
Объ цѣнѣ его молчу;
Я надѣлъ и не снимаю,
И носить всегда хочу.
Не цѣню, а почему же?
И на то отвѣтъ простой:
«Видѣлъ я армякъ и хуже
Въ той деревнѣ о Святой»,
И гуляли съ той дѣвочкой
Въ хороводѣ на лужку,
Но поставлю имя точкой
Той особѣ во кружку;

Я смотрѣлъ на нихъ смиренно,
Много нѣжности въ лицѣ,
Но для сердца, ахъ! презрѣнно,
Другъ! скажу тебѣ въ концѣ.
«Быстрокрыла точно птичка
И поетъ какъ соловей,
Только ростомъ невеличка,
Да грешочекъ былъ за ней».
Но скажу тебѣ, жениться,
Милой другъ, ты подожди;
Съѣздимъ мы повеселиться;
А невѣсты впереди.
Соть рѣка чтобъ не стращала
Насъ губительной волной,
Нашу резвость чтобъ прощала,
Такъ поѣдемъ мы зимой,
Въ маленькихъ когда занятьяхъ
Ночи дѣвушки ведутъ,
Разодѣты въ лучшихъ платьяхъ
Пряжу изо льну прядутъ.
Радуюсь я другъ мой милый,
Что ты пишешь такъ стихи,
И увы!.. если могила
Насъ разлучитъ за грѣхи.

ПУСТЫННИКЪ.

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Павлу Степановичу Лѣткову.

Павлу Степановичу

ЛЪТКОВУ.

Ты мнѣ благотворилъ
Какъ родственникъ иль другъ,
Но чѣмъ я отплатилъ?..
Пожертвовалъ досугъ...
Пустынника пою,
Не храбрость русскихъ силъ!
Но пѣснь любимую
Тебѣ я посвятилъ.

ПУСТЫННИКЪ.

Въ странѣ невѣдомой,
Гдѣ темные лѣса,
Гдѣ вѣчнымъ сумракомъ
Покрыты небеса,
Гдѣ горы страшныя,
Пустынныя равнины,
Безъ жизни роскоши
Виднѣются долины,
Гдѣ нѣтъ и признаковъ
Обители людей,
Но царство вѣчное
Лютѣющихъ звѣрей,
Гдѣ грозный водопадъ
Съ вершины горъ шумитъ,
И землю и скалы
Съ поверхности влачитъ,
Гдѣ страшный шумъ деревъ
Безъ умолку реветъ,
Дубы столѣтніе
Изъ корня вѣтеръ рветъ;

Гдѣ стаи вороновъ
И всякихъ хищныхъ птицъ,
Лѣтаютъ тысячи
Безчисленныхъ станицъ.

* * *

Среди пустыни той,
Хранимый лишь судьбой,
Одинъ спасается
Пустынникъ молодой.
Пустыннику сему
Нисколько не страшны,
Ни звѣри лютые,
Ни дикость той страны.
Его унылый видъ,
Блаженно томный ликъ,
Премудрости святой
Небесный лучъ проникъ.
Онъ босъ и нагъ;
Одежда ветхая немного прикрываетъ,
И лѣтомъ, и зимой,
Всегда такъ пребываетъ.
Въ постѣ, молитвѣ онъ
И день, и ночь, всегда
Трудится до поту,
Не ропщетъ никогда;
Судьбу благодаритъ,
Сонъ вѣжди не смыкаетъ,
И чуть ли никогда
Немного отдыхаетъ.
Убѣжище его
Ущелье между горъ,

Пустыня дикая,
Окрестъ дремучій боръ;
Въ ущельи подъ горой
Пещера найдена
И вѣчной темнотой
Была наполнена.
Лишь блѣдный лучъ огня
Лампада изливала
И крестъ Спасителя
Туманно освѣщала.
Руками пришлеца,
На право, въ сторонѣ,
Видъ онаго креста
Начертанъ на стѣнѣ,
Въ сей мрачной пустотѣ,
Нустынникъ молодой,
Стяжаетъ онъ вѣнецъ
Молитвою святой.
Не видитъ ни людей,
Ни суетнаго міра,
Душа его паритъ
Въ созданіи эѳира.
Онъ слышалъ иногда
Съ небесъ въ полночный часъ,
Вѣщавшій же къ нему
Невидимый былъ гласъ:
«Стяжай! о юноша, стяжай!
«Безсмертія вѣнецъ;
«Твой трудъ, молитву, постъ
«Зритъ Вечности Творецъ.
Душа пустынника
Блаженство созерцаетъ,

Въ таинственныхъ словахъ
Надежду обрѣтаетъ.
И тѣмъ усугублялъ
Молитву, постъ, труды;
Не хочетъ даже пить
И чистыя воды.
Но чѣмъ питался онъ?
И чѣмъ существовалъ?
Ходивши одинокъ
И кое что сбиралъ:
Гдѣ ягодку сорветъ,
Нѣтъ, корочки погложетъ,
(Кто думаетъ спастись,
Тому Господь поможетъ).

* *
*

Однажды онъ ходилъ,
Вдругъ видитъ ручеекъ,
Прозрачная вода,
Онъ сѣлъ на бережокъ.
Любуется, глядитъ
Какъ рыбочки ныряютъ,
То вьются къ камышку,
То вдругъ перебѣгаютъ.
И сей источникъ онъ
Душевно полюбилъ,
Сидѣть на бережокъ
День каждый приходилъ.

* *
*

Однажды пастушокъ,
Съ пастушкою одни,
Близь сихъ ужасныхъ мѣстъ
Стада свои пасли.
Замѣтивъ ручеекъ
Съ прозрачною струей,
(Бѣги, бѣги ! къ нему
Пастушка поскорѣй).
Ахъ что за ручеекъ,
Что прелесть за вода,
Мы встрѣтить не могли
Такого никогда.
Пойдемъ дружокъ, пойдемъ
По бережку ручья,
Ты слышишь залился
Тамъ голосъ соловья.
Но прелести сіи
Ужасами смѣнялись;
Они идутъ еще,
Тамъ горы показались,
Кругомъ дремучій боръ
И всюду темнота,
Одна лишь царствуетъ
Нѣмая пустота.
Вдругъ видятъ у ручья,
Пастушка и пастухъ,
Пустынника того,
Не могутъ свести духъ,
Стоятъ недвижимо,
И въ страхѣ и онѣмѣньи,
Сердца ихъ сжалися
Въ нѣмомъ окаменѣньи,

По тѣлу холодъ, дрожь,
Въ душѣ ужасъ и страсть;
Едва чуть держатся,
Готовы хоть упасть.
«Не бойтеся меня,
И я есть человѣкъ,»
Пустынникъ пастухамъ
Смиренно произрекъ.
О! ты несчастный кто,
Въ такихъ пустынныхъ мѣстахъ?
Ужели человѣкъ живетъ
Въ такихъ лѣсахъ?
«Кто въ Бога вѣруетъ,
Хранимъ тотъ отъ всего;
На всякомъ мѣстѣ есть
Владычество Его.
Смущаться-ль отъ того,
Что я и босъ и нагъ,
За то не движится
Ко мнѣ нечистый врагъ.
А кто же вы, друзья,
Я смѣю васъ спросить,
Я думаю, что вамъ
Мнѣ можно объяснить?»
Мы просто пастухи,
Пасущіе овецъ,
Изъ роду христіанъ,
Нашъ Богъ всему Творецъ.
«Вотъ здѣсь, здѣсь подъ горой
Есть хижина моя,
Послѣдуйте за мной,
Любезные друзья;

Про жизнь и родину
  Я все вамъ раскажу,
И скудную мою
  Пещеру покажу.»

* *
*

«Вотъ хижина моя,
  Вотъ лучшій мой чертогъ;
Здѣсь я живу одинъ,
  Одинъ со мною Богъ.
Я все переношу
  И гладъ, и холодъ, страхъ;
Живу ужъ много лѣтъ
  Въ сихъ жалостныхъ мѣстахъ;
Не знаю будетъ-ли
  Несенныхъ мной трудовъ,
Для смытія съ души
  Содѣянныхъ грѣховъ.»
Его печальный видъ
  Тѣмъ болѣ омрачился,
При сказанныхъ словахъ,
  Пустынникъ прослезился;
Потупя въ землю взоръ,
  Какъ будто онѣмѣлъ
И тяжко воздохнулъ,
  На образъ посмотрѣлъ.
«Сей крестъ Спасителя
  Рукой я начерталъ,
Лампаду и огонь
  Мнѣ Вышній ниспослалъ.

* *
*

«Мой домъ родной
Родной отецъ и мать,
Прекрасная сестра
И меньшій меня братъ,
Не знаю живы ли?
Но я за нихъ молился;
Ужъ десять лѣтъ прошло,
Какъ съ ними разлучился.
Я былъ счастливый сынъ,
Одинъ изъ сыновей
Любимый былъ отцемъ
И матерью своей.
Въ веселыхъ обществахъ
И свѣтскихъ увлеченьяхъ,
Летѣли дни мои
Въ пріятныхъ наслажденьяхъ;
Сердечной чистоты
Лучъ ярко пламенѣлъ,
И такъ семнадцать лѣтъ
Спокойно жизнь провелъ.
Храмъ Божій я любилъ
И часто посѣщалъ,
На прелесть женскую
И взоръ не обращалъ.

* *
*

Но вотъ однажды я
Пришелъ молиться въ храмъ,
И что-жъ, о Боже мой!
И что-жъ я вижу тамъ,
И что-же видѣлъ я, —
О, образъ незабвенный!

Я вижу и теперь
Тотъ ликъ его безцѣнный,
Я вижу и теперь
Тѣ черные глаза,
На коихъ свѣтится
Алмазная слеза;
Я вижу и теперь,
То нѣжное чело,
Невинностью горя,
Какъ солнца лучъ свѣтло;
Я слышу и теперь
Тотъ голосъ о любви,
Ахъ милая, отстань
И тщетно не зови.
Я вижу и теперь
Здѣсь розовый тотъ цвѣтъ
А гдѣ она теперь?
Увы! ея ужъ нѣтъ.
Несчастная любовь,
Она ее сгубила.
О сколь она меня,
Сколь пламенно любила;
О! Боже сохрани
Ея невинный прахъ,
И душу упокой
Въ раю на небесахъ.

* * *

«И несчастный я поклялся
Ея вѣчно чтобъ любить,
И тогда же обѣщался
Любовь бракомъ съединить.

О какъ грустно, тяжко, больно,
То былое вспоминать;
Мнѣ сонъ видѣлся не доброй,
Знать, что браку не бывать.

СОНЪ.

Слышу море страшно плещетъ,
Вижу свѣтится луна;
Слышу лѣсъ ужасно шепчетъ,
Вижу дикая страна,
Я блуждаю по пустынѣ.
Вижу Юлія стоитъ,
Я зову ее въ объятья,
Но она и не глядитъ.
Ангелъ Юлія, послушай!
Что съ тобою, ты блѣдна.
Я бѣгу къ ней, — все исчезло...
Это тѣнь, а не она!
Вотъ представилась долина,
Розы, астры разцвѣли;
Я и Юлія со мною,
По тропинкѣ мы пошли.
Солнце свѣтлыми лучами
Озаряло небеса,
Вездѣ тихо, птички пѣли —
Что за прелесть, за краса.
Видимъ начали сгущаться,
Вдругъ надъ нами облака,
И тутъ предвѣстница несчастій,
Легла на сердцѣ тоска...

Громъ съ раскатомъ разразился,
Летитъ молніи стрѣла,
Въ грудь несчастную разила!
Юлія болѣ не жила...
Другъ мой Юлія, ахъ Боже!
Я на трупъ ея упалъ.
Вдругъ проснулся отъ испуга
И какъ будто бы не спалъ.

* *
*

«Мать меня благословляла,
Но отецъ не позволялъ;
Тщетно я просить старался,
Тщетно просьбой убѣждалъ.
Почему былъ не согласенъ?
Почему не позволялъ?
Тайна скрыта неизвѣстно,
Онъ одинъ про это зналъ.
О! несчастная любовь,
Что начать, куда дѣваться?
Мы условились съ ней такъ:
Уѣхать тайно и вѣнчаться.
О родители мои!
Вы намъ здѣсь не позволяли,
Мы уѣдемъ; но увы!
Мы лишь въ храмъ и насъ догнали.
Вдругъ схватились—меня нѣтъ,
Но узнали что я тамъ;
Отецъ велѣлъ сѣдлать коня,
И гнаться вихремъ вслѣдъ за намъ.
Тамъ готово было все,
Бракъ вѣнчаній совершался,

Вдругъ вбѣгаетъ въ храмъ гонецъ
И чуть чуть не задыхался.
Стой! кричитъ, остановитесь!
Бракъ вѣнчанья прекратите,
Вотъ письмо вамъ отъ отца,
Поскорѣе разверните.
Я дрожащими руками
Отъ гонца записку взялъ,
И роковое то посланье
Въ изумленьи прочиталъ.

ПИСЬМО.

«Послушай, сынъ!
«Ты ѣдешь въ храмъ?
«Ужели жъ съ ней,
«Вѣнчаться тамъ?
«Повѣрь, повѣрь
«Моимъ словамъ,
«Орестъ! Нельзя
«Вѣнчаться вамъ:
«Она сестра!
«А ты братъ ей!
«Значитъ крови
«Вы моей.
«О! Боже мой!
«Что вижу я,
«Ужель не знала
«Мать твоя?

* * *

«О! отецъ, отецъ ты мой,
Что ты дѣлаешь со мной!
Я убитъ невозвратимо,
И ты будешь въ томъ виной;
Отчего жъ ты, лицемѣрный,
Это прежде не сказалъ.
И при сей ужасной мысли,
Я безъ чувства тутъ упалъ.
Что же бѣдная подруга?
О! несчастная она!
Тожъ въ безчувствіи лежала,
Смерть была уже видна...
Поѣзжай, скажи отцу,
Уже поздно онъ хватился;
Онъ и мы, погибли всѣ,—
Бракъ вѣнчанья совершился!..

. . . . . .

* *
*

О дѣва, дѣва молодая!
Ты невинна какъ дитя,
Да изліетъ создатель міра
Росу благости на тя.
Злополучная лежала,
Очи гасли какъ заря,
Неподвижно, бездыханно,
Ничего не говоря.
Розы алаго румянца
Поблѣднѣли, не горятъ,
Пышны локоны небрежно
По плечамъ ея висятъ,

На устахъ улыбку, нѣгу
Покрываетъ синева,
О! Создатель всей вселенной,
Она кажется мертва!..
Вотъ послѣдній вздохъ изъ груди...
И Богу душу отдала...
Въ лѣтахъ юности прекрасной,
Въ міръ нетлѣнный перешла.
Я оплакалъ смерть несчастной
И близъ храма схоронилъ,
И надгробную эмблему
Я надъ ней изобразилъ.

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ.

Вотъ здѣсь покоится
Невинной дѣвы прахъ,
Съ вѣнчальною свѣчей
Скончавшейся въ рукахъ.

Среди святыни всей,
Во храмѣ предъ престоломъ,
Въ объятіи жениха,
Однимъ убита словомъ.

* * *

«И такъ несчастный я
Остался сиротою,
И сердце, и душа
Томились пустотою;
Не жизнь, а смерть,
Не свѣтъ, а тьма безъ милой,

И с
Все
И я р
Со в
Съ роди
Въ пустыню удалиться.»

* * *

Окончивъ разговоръ
Пустынникъ замолчалъ,
Скрестивъ руками грудь
И плечами пожалъ.
«Но дѣлать нечего,
Ужъ такъ тому и быть,
Могилу и отца
Мнѣ надо навѣстить.
Пастушка и пастухъ,
Простились и ушли,
Знакомыя стада
По прежнему пасли.

ЭПИЛОГЪ.

Въ одинъ воскресный день,
Когда въ урочный часъ,
Зоветъ святыни храмъ,
Зоветъ къ молитвѣ насъ,
Въ оградѣ предъ крестомъ,
Къ могилѣ преклоняясь,
Тутъ странникъ горячо
О чемъ то такъ молясь,

Такъ слышенъ голосъ былъ,
И вопли, и рыданья,
И все осталося
Вотще безъ воздаянья.
Ужъ вѣрно не поднять
Изъ гроба мертвеца,
Да будетъ въ этомъ власть
Единаго Творца.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №
1926 г.

607. 457.